

тельно повреждений костей черепа трупа при промерзании, нужно отметить, что мнения исследователей об условиях, влияющих на возникновение повреждений, не совпадают. Имеются предположения, что на факт образования повреждений влияют различные обстоятельства: длительность пребывания трупа на морозе, возрастные особенности (незавершенная облитерация швов), особенности кровоснабжения головы, толщина костей черепа, изменения их прочности при промерзании и др. Однако экспертная практика свидетельствует, что у большинства полностью промерзших трупов повреждения костей черепа отсутствуют. Следовательно, несмотря на множество гипотез, основной вопрос: почему при прочих равных условиях при промерзании головы трупа в одних случаях возникают повреждения черепа, а в других не возникают — остается без ответа.

Главную причину создавшегося положения мы видим в крайне малом количестве произведенных наблюдений. Начиная с сообщений Ф. Д. Краевского до настоящего времени описанных случаев повреждений костей черепа от промерзания трупов не наберется и трех десятков.

Нельзя также не подчеркнуть то, что практические эксперты, обратившие внимание на посмертные повреждения костей черепа при промерзании, в основном фиксировали только факт образования таких повреждений, без детального изучения его в эксперименте, с учетом гидрометеорологических показателей, положения трупа, одежды на нем и других далеко не безразличных моментов. Нами, по-видимому впервые, предпринята попытка провести исследования, направленные на всестороннее изучение этого вопроса, интересного в теоретическом аспекте и весьма актуального для судебно-медицинской практики, особенно в тех районах нашей страны, где в холодное время года замерзшие трупы являются далеко не редкими объектами экспертного исследования.

1. Краевский Ф. Д. Цит. по Десятову В. П. Смерть от общего переохлаждения организма. Дисс... д-ра мед. наук, 1969. С. 160-161.
2. Десятов В. П. Смерть от общего переохлаждения организма. Дисс... д-ра мед. наук. Томск, 1969.
3. Райский М. И. К учению о распознавании смерти от холода. Дисс... д-ра мед. наук. Томск, 1907.
4. Авдеев М. И. Курс судебной медицины. М., 1958. С. 326-327.
5. Чуйко П. И. О возникновении трещины костей черепа при замерзании трупа // Суд. мед. экспертиза, 1960. Т. 3. С. 62.
6. Иванов В. Об ошибках, допускаемых судебно-медицинскими экс-

пертами при исследовании трупов // Соц. законность. 1958. № 8. С. 160-161.

7. Гречкина А. К., Айзенштейн В. П. О неправильной оценке некоторых признаков на трупе при замерзании // Тр. Куйбышев. мед. ин-та. Куйбышев. Т. 19. С. 110-112.
8. Григорьев В. П. О характере повреждений черепа при промерзании трупа // Вопросы судебной медицины и экспертной практики. Чита, 1967. Вып. 2. С. 73-77.

А. С. БАРАБАШ

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (рецензия на книгу З. Ф. Коврига «Уголовно- процессуальная ответственность»)*

Рецензируемая книга — одна из первых, в которой ставится и определенным образом решается проблема уголовно-процессуальной ответственности. Расширяется круг сторонников признания уголовно-процессуальной ответственности, и подобная тенденция не является порождением субъективного усмотрения отдельной части ученых, она результат существующей правовой действительности. Практически любая установленная государством норма права может быть нарушена, что приводит или может привести к дестабилизации системы норм. Для предотвращения подобного законодатель предусматривает средства защиты норм от нарушений, среди которых особое место занимает юридическая ответственность. В сфере общественных отношений, урегулированных нормами процессуального права, не менее важно, чем в других отраслях, обеспечить беспрепятственное функционирование норм права, а в случае их нарушения — своевременное и быстрое восстановление правильного хода процесса, чему и служит процессуальная ответственность.

С обоснованием этого главного тезиса работы и с выводом о существовании уголовно-процессуальной ответственности следует, на наш взгляд, полностью согласиться. Но ценность обоснования снижается утверждением автора о том, что в сфере уголовного судопроизводства действуют различ-

* Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 191 с.

ные виды юридической ответственности: уголовная, гражданская, административная, дисциплинарная (см.: с. 25). Такой подход к определению сфер влияния различных видов юридической ответственности способствует исчезновению границ, которые существуют между различными отраслями права, делает ответственность беспредметной, в то время как предмет любой ответственности определен нормой нарушенной отрасли права. Если нарушена норма уголовно-процессуального права, то должна следовать уголовно-процессуальная ответственность, а не какая другая, иначе разговор об уголовно-процессуальной ответственности неправилен. Другое дело, что не всегда для исправления положения достаточно реализация не только ответственности, но и уголовно-процессуального наказания. В таких случаях (если эта возможность предусмотрена законом) мы прибегаем к реализации санкции, предусмотренной другими отраслями права.

В своей работе автор рассматривает уголовно-процессуальную ответственность в двух аспектах, как позитивную, так и негативную. В этом же плане и мы полагаем необходимым рассматривать основные положения работы.

Говоря о позитивной ответственности, следует сразу подчеркнуть: мы не ставим под вопрос необходимость разработки данного понятия в процессуальной литературе, только у нас вызывает сомнение правильность решения его в работе З. Ф. Коврига.

Но обратимся к высказываниям автора. Позитивная ответственность рассматривается как ответственное отношение человека к своим обязанностям. «Гражданин, личность, должностное лицо, учреждение, организация несут прежде всего позитивную ответственность за правильное выполнение своих обязанностей» (с. 29). Не будем обращать внимание на то, что ответственность раскрывается через ответственное отношение: автор ранее говорил о необходимости включения в понятие ответственности чувства ответственности, сознания ответственности (см.: с. 4). Далее специально указывается на неправильность определения позитивной ответственности только как субъективного (см.: с. 30). В объективное содержание автор включает «комплекс диктуемых объективной действительностью требований к деятельности субъекта» (с. 30). Иначе говоря — это наделение законодателем субъекта определенным кругом прав и обязанностей в зависимости от цели его деятельности.

Наиболее полно авторская позиция по проблеме позитивной

уголовно-процессуальной ответственности раскрывается на 33 с. Там сконцентрировано то, что, по мнению автора, входит в содержание этой ответственности: 1) требования, которые предъявляются к участникам уголовного судопроизводства в отношении использования своих процессуальных прав и исполнения обязанностей; 2) осознание ими необходимости активного использования прав и добросовестного выполнения обязанностей; 3) система мер, обеспечивающих использование прав и исполнение субъектами лежащих на них обязанностей; 4) оценка выполнения обязанностей и добросовестности при использовании прав. При разборе этих составных обращает на себя внимание искусственное разделение содержания первого и третьего пунктов. По существу в них речь идет об одном и том же: требования, предъявляемые к участникам, повисли бы в воздухе без системы мер, которыми обеспечивается использование прав и исполнение обязанностей. Данные требования и система мер определяют правовой статус личности, но ведь это статика, предпосылка деятельности, поведения. Далее, включается ли внутреннее чувство — осознание — в содержание позитивной уголовно-процессуальной ответственности? На наш взгляд, чувство ответственности, осознание ответственности не составляют содержание указанного понятия, они предпосылки ответственного или безответственного поведения, предпосылки вообще поведения, за которое возможна ответственность. Названные понятия значимы тогда, когда речь идет о формировании правосознания, а не об уголовно-процессуальной ответственности. И, наконец, представляется неоправданной попытка включить в содержание позитивной ответственности оценку поведения. Оценка находится вне этого понятия, она позволяет определить, позитивно ли вел себя субъект или он должен отвечать за свое неправильное поведение. Оценка — результат уже состоявшегося действия, поэтому не может включаться в него.

Приведенный разбор свидетельствует об определенном несовершенстве конструкции позитивной ответственности, о том, что эта конструкция оторвана от деятельности реальных субъектов советского уголовного процесса.

Основное место в работе занимает обоснование негативной уголовно-процессуальной ответственности. Автор подходит к раскрытию понятия с единственно правильных, на наш взгляд, позиций: содержание негативной уголовно-процессуальной ответственности рассматривается в тесной связи с

возникшим во время нарушения правоотношением, в силу которого правонарушитель несет обязанность дать ответ за содеянное, и, как результат, — претерпеть неблагоприятные последствия (см.: с. 16, 21, 92 и др.). Под последствиями понимается реализация санкции правовой нормы, т. е. реальное наказание правонарушителя (с. 40), и санкция рассматривается как необходимый элемент особой разновидности правовых норм — норм уголовно-процессуальной ответственности (с. 41). Трактую таким образом сущность уголовно-процессуальной ответственности, автор, вольно или невольно, сводит ее к анализу реализации санкции, ведь только при ее применении мы можем говорить об ответственности, т. е. предпосылки реализации ответственности — права и обязанности по осуждению, возникающие при совершении преступления, становятся предпосылками реализации наказания, и для негативной уголовно-процессуальной ответственности не остается места при таком подходе.

Отождествление ответственности с реализацией санкции повлекло за собой необходимость подробного рассмотрения в работе различных видов санкций. Их толкование и классификация в целом не вызывают возражений (с. 46), но не все выделенные автором санкции могут рассматриваться, даже с ее позиций, в качестве инструмента реализации ответственности. Правовосстановительные санкции при их применении не влекут претерпевания виновным неблагоприятных последствий вынесения незаконных актов, а в отдельных случаях виновный в нарушении в рамках данного уголовного процесса и не устанавливается. Значит, нарушение есть, а реального правового наказания нет. Нам кажется, что не реакцией органов должно определяться, есть ответственность или ее нет, а тем, как правильно отмечает автор (см.: с. 67), совершено уголовно-процессуальное нарушение или нет (ведь в отдельных случаях даже при наличии деяния и виновного лица наказание по разным причинам может не последовать).

Ответственность и реализация санкции — хоть и связанные, но все же разные явления правовой действительности, сущность которых не может определяться однозначно. З. Ф. Коврига в отдельных местах своей работы близко подходит к осознанию этого положения. Говоря о правосстановительных санкциях, она делает упор не на реализацию санкции, а на осуждение и рассматривает его в качестве существенного свойства восстановительной санкции (см.: с. 52). Определяя процессуальную ответственность (см.: с. 53), она пишет о са-

мостоятельном значении осуждения, о способе его воздействия на поведение правонарушителей. Остался один шаг до определения сущности этого явления, но он не был сделан. Более того, подход к ответственности как к осуждению, т. е. наполнение этого понятия отличным от наказания содержанием, не выдержан в рамках всей работы. Встречаются утверждения, которые значительно понижают ценность приведенных соображений, определяя сферу применения осуждения в «прямо предусмотренных в санкциях отрицательных последствиях в форме ограничения личного или имущественного характера» (с. 19).

Представляется, что многое стало бы на свои места, если бы автор наполнил понятие негативной уголовно-процессуальной ответственности собственным содержанием. Рассмотрение этой проблемы в плане осуждения государством (в лице своих органов) правонарушителя позволило бы более убедительно объяснить и такие случаи реализации уголовно-процессуальной ответственности, как отмена, изменение незаконных процессуальных решений, вынесение частных определений и т. п., разграничить реализацию ответственности и наказания.

Наряду с совершением уголовно-процессуального нарушения в качестве оснований негативной ответственности З. Ф. Коврига рассматривает вину и объективно противоправное действие (см.: с. 76). Первые два основания (нарушение и вина) не вызывают сомнений и возражений, чего не скажешь по поводу последнего. Автор пишет, что «субъективное начало для уголовно-процессуального нарушения — это не всегда вина; что психическое отношение правонарушителя к принимаемому решению и к его результатам может охватываться понятием добросовестного заблуждения судьи, связанного с недостатками профессиональной подготовки, уровнем правосознания судей и народных заседателей, посторонними влияниями, не вполне продуманной организацией труда и т. д.» (77). Представляется, что подобное решение является совершенно неприемлемым для уголовного процесса. Выдача индульгенции за низкий уровень правосознания, за беспринципное отношение к своим обязанностям, а иначе и нельзя расценивать деятельность судей, склонных поддаваться посторонним влияниям, списание ошибок на недостатки профессиональной подготовки и на другие причины не способствует улучшению деятельности правоохранительных органов, а служит ширмой, прикрывающей недобросовестных

работников. Ведь одно дело, когда речь идет об ответственности за виновное нарушение норм процесса, другое — когда нарушение возникло в результате «объективно безвиновного поведения». Сама формулировка «объективно безвиновное поведение» наталкивает на мысль, что лицо в общем-то не за что и привлекать к ответственности, но в случаях, о которых ведет речь З. Ф. Коврига, должностные лица виновны в допущенных ими нарушениях.

Практические рекомендации, данные автором во второй главе, определенным образом подтверждают правильность сделанных нами замечаний. Наравне с предложениями о введении дополнительных штрафных санкций за процессуальное нарушение, что следует признать разумным, автор предлагает в качестве реакции на нарушение выносить письменное порицание действий определенных участников процесса (см.: с. 139). Говоря о средствах воздействия на должностных лиц (ответственности), допустивших нарушение процессуального закона, З. Ф. Коврига относит к ним: право прокурора изъять дело у следователя, отстранить его от дальнейшего ведения следствия, право суда возратить дело для дополнительного расследования и т. п. правомочия (см.: с. 140, 173). Хотя в данном случае она вступает в противоречие со своей основной концепцией (ответственность — наказание), тем не менее правильно отражает сущность этого явления: во всех приведенных случаях наказания как такового нет, но есть осуждение за совершенное правонарушение.

Невольно в рецензии на первый план вышли замечания, но они не заслоняют и не должны заслонять тех положительных моментов, которые были отмечены, и тех, на которых мы не смогли остановиться. Порождены же замечания в основном сложностью, дискуссионностью поднятых в работе проблем. В этом плане и в плане практических рекомендаций рецензируемая работа представляет несомненный интерес.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — СРЕДСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

(рецензия на книгу В. З. Лукашевича «Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе»)*

Среди важнейших проблем советского уголовного процесса одно из центральных мест занимают многочисленные вопросы, относящиеся к установлению и реализации уголовной ответственности. И это понятно. Согласно ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 2 УПК РСФСР) именно это и составляет основной предмет и итог решений компетентных органов власти при расследовании и судебном разбирательстве по каждому уголовному делу. Добавим к этому требование XXVII съезда КПСС о повышении ответственности кадров правоохранительных органов, связанных с практическим применением законов, охраной правопорядка, социалистической собственности, законных интересов советских граждан (см.: с. 1). Таким образом, со всей очевидностью станет ясно, что исследуемая в книге В. З. Лукашевича тема — установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе — является актуальной, соответствует современным потребностям процессуальной науки и юридической практике в борьбе с преступлениями.

В книге на базе марксистско-ленинской методологии в комплексе с применением многочисленных теоретических источников, при опоре на значительный по объему социологический аппарат, обобщения и отдельные примеры следственной и судебной практики развернута система знаний и аргументов по теме исследования, а также содержатся рекомендации правоохранительным органам по применению института уголовной ответственности и законодателю по его усовершенствованию. Все исследование постоянно и теснейшим образом увязано с потребностями работы правоохранительных органов, ее улучшения, пронизано идеей укрепления социалистической законности в сфере уголовного судопроизводства.

* Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 192 с.